

Сяо Чжочин не смел позволить Фэн Юаньси смотреть дальше.

Тот был еще юн, и в детстве ему довелось пережить сильное потрясение, поэтому никак нельзя было допустить, чтобы сегодня все повторилось.

Только вот...

Судя по очертаниям, человек в озере был мертв уже много дней. Утопленники со временем всплывают и разбухают, и Сяо Чжочин был наслышан о том, сколь ужасен их вид.

Увидев это воочию сегодня, он убедился, что слухи не лгали.

Сяо Чжочин глубоко вздохнул.

- Этот подданный...

Ему следовало немедленно встать на защиту императора, повернуть коней и поспешить обратно во двор Изогнутой Террасы за людьми.

Однако стоило ему открыть рот, как губы задрожали, и он не смог выговорить ни единого связного звука.

В пылу тревоги он совсем забыл.

Ему было всего восемьдесят лет, с молодых ногтей он предавался наслаждениям среди цветов и луны, слагал стихи и играл на цине, и глаза у него были чистые, словно ясная луна и легкий верок.

Если не считать нескольких громких дел из его снов, он как раз и был тем человеком, которому еще не доводилось видеть мертвецов.

Рука, закрывавшая глаза Фэн Юаньси, лежала очень плотно.

Она была холодной, как лед, и Фэн Юаньси даже чувствовал одеревеневшие, сжатые суставы пальцев, намертво прижатые к его лицу, а тонкий слой холодного пота, мелко дрожа, перебирался на его щеки.

Словно птица, что расправляет крылья перед соколом, она припала к нему всем телом, изо всех сил стараясь заслонить.

– ...Ваше Величество, не смотрите.

– Синь-эр, не смотри.

Десять лет назад, когда его матушка-императрица была заколота мечом князя Ляня прямо под его троном, она, содрогаясь в судорогах и истекая струйками крови, говорила ему те же самые слова.

Фэн Юаньси замер.

Никто не знал, как он пережил ту ночь.

Он потерял сознание, а когда очнулся, у постели не было ни души. В опочивальне ярко горели светильники, и он слышал, как Фэн Болянь шептался с советниками за ширмой, решая, убить наследника престола или оставить в живых.

«В конце концов, императрица мертва, государь мал, а опереться на влиятельную родню по материнской линии ему не на кого, так что придется полагаться на князя».

Он слушал с закрытыми глазами, впившись ногтями в ладони, не имея возможности ни издать звуки, ни проронить хотя бы слезинку по отцу и матери.

Позже князь Лянь ушел, опочивальня опустела, и Фэн Юаньси наконец открыл глаза.

Он все еще не плакал.

В ту ночь, глядя на свернувшегося кольцами золотого дракона на балдахине, он дал себе тайную клятву: больше никогда не позволить никому умереть, защищая его ценой собственной жизни.

Но в тот же день он отчетливо понял, что больше рядом не будет никого, кто заслонил бы его спиной.

Рука на его глазах дрожала, тонкие лучи солнца пробивались сквозь промежутки между пальцами, напоминая ему бесчисленные огоньки свечей, что тускло просвечивали сквозь его сомкнутые ресницы той ночью.

Фэн Юаньси единым движением сбросил эту руку.

Сяо Чжочин заслонял его собой на полшага, отчаянно защищая, его губы и лицо стали мертвенно-бледными, ресницы трепетали, но он не сдвинулся с места ни на дюйм.

Пальцы Фэн Юаньси дрогнули, он рывком развернул его к себе и заслонил собой от ужасного зрелища.

– Не бойся, – тихо сказал он Сяо Чжочину.

– Мм...

Сяо Чжочин думал, что держится неплохо, но стоило ему издать этот звук, как в желудке все перевернулось вверх дном.

В следующее мгновение рука Фэн Юаньси легла ему на спину, успокаивающе поглаживая сверху вниз, словно баюкая ребенка.

Лишь спустя мгновение он услышал голос Фэн Юаньси:

– Пойдем, вернемся сначала, мы не здесь.

Наверное, легкий верок у пруда был таким мягким и ласковым, что даже голос Фэн Юаньси, казалось, успокаивал его.

Сяо Чжоцин кивнул, но едва ступил шаг, как ноги подкосились, и он чуть не рухнул на колени у кромки пруда.

Сзади рука Фэн Юаньси надежно поддержала его за спину.

...Он почти прижался к груди правителя.

– Этот подданный потерял достоинство.

Щеки Сяо Чжоцина слегка горели, он торопливо выпрямился и с неловкой улыбкой посмотрел на Фэн Юаньси.

В прошлой жизни ему довелось наблюдать казнь вместе с чиновником, ведающим смертными приговорами. В тот день, когда Чжо Цайину отрубили голову, он впервые увидел, как кто-то умирает прямо у него на глазах.

Он не верил в духов и божеств, но все же пролежал всю ночь в сильнейшем жару.

Он не знал, было ли это следствием его собственной трусости или проявлением инстинктивной жалости к собрату. Позже Син Яо хлопал его по плечу и со смехом утешал: «Чего ты пугаешься? Когда мой брат много лет назад служил в провинции и столкнулся с уголовным делом, едва сдернули белое полотно, как его тут же стошнило до потери сознания, и прямо на место пришлось звать лекаря!»

Но не прошло и двух месяцев, как Син Чжао оказался в тюрьме, а Син Яо погиб от рук Ван Юаня.

Именно Сяо Чжоцин забирал его тело.

Это был второй раз в жизни Сяо Чжоцина, когда он видел мертвеца.

Он не знал, что его нынешняя улыбка выглядит несколько мертвенно-бледной, чувствуя лишь, что рука, поддерживающая его спину, на мгновение замерла, а затем легко похлопала его.

- Все в порядке, - произнес Фэн Юаньси. - Я поддержу тебя.

Словно в тумане, Сяо Чжочин позволил Фэн Юаньси подвести себя к коню. Глядя на покачивающиеся перед ним стремяна, он инстинктивно попытался взобраться наверх, но Фэн Юаньси уверенно подхватил его и усадил в седло.

Конь, казалось, был нрава беспокойного и нетерпеливо фыркал. Но в следующее мгновение крепкое и теплое тело прижалось к нему сзади, заключая в кольцо рук.

Фэн Юаньси тоже вскочил в седло, взял поводья и развернул коня.

Сяо Чжочин машинально снова оглянулся назад, но Фэн Юаньси тут же поднял руку и закрыл ему глаза.

- Все еще смотришь? - спросил он.

Сяо Чжочин замер, разум вернулся к нему, и рассудок постепенно прояснился.

- ...Кажется, это был господин Ши, - промолвил Сяо Чжочин.

- Какая разница, кто это, все равно он уже мертв, - Фэн Юаньси по-прежнему закрывал ему обзор, а помолчав, добавил:

- Раз он окончательно мертв, то больше ничего не сможет тебе сделать.

Очень неуклюжая фраза, но в ней чудилось подобие утешения.

Сяо Чжочин, конечно же, все понимал.

Ши Сюцзе это был или кто-то другой, дело уже зашло слишком далеко. Ничто не изменится от того, что он взглянет еще раз, а сейчас главная задача - как можно скорее отправить людей выловить тело и провести осмотр.

Только вот...

Фэн Юаньси что, едет слишком медленно?

Опомнившись, Сяо Чжочин наконец обратил внимание на нынешнюю обстановку.

Он сидел верхом на той самой лошади Фэн Юаньси, что звалась просто «лошадь», а Фэн Юаньси правил конем, устроившись позади него. Цоканье копыт гулко разносилось по дворцовым аллеям, и они неторопливо, словно на прогулке, направлялись ко двору Изогнутой Террасы.

Седло было узким, и Сяо Чжочин отчетливо слышал биение сердца Фэн Юаньси у себя за спиной.

Судя по всему, тот тоже перенес испуг, и его сердце стучало ничуть не медленнее.

– Ваше Величество изволите тревожиться понапрасну, – придя в себя, Сяо Чжочин сам принялся утешать Фэн Юаньси. – Даже если в озере действительно господин Ши, раз он посмел поднять руку на Ваше Величество, он в любом случае заслуживал смерти.

Неужели он так сильно переживает за Ши Сюцзе?

Фэн Юаньси чуть склонил голову, глядя на сидевшего перед ним Сяо Чжочина.

Легкий аромат сосновой хвои окутывал его со всех сторон, дыхание было частым и сбивчатым; сейчас оно немного выровнялось, но бледность еще не сошла с лица, и он все еще казался смертельно бледным и зябким.

Ему безумно хотелось обнять его.

Руки Фэн Юаньси, державшего поводья, замерли по обе стороны от него, и чем пристальнее он всматривался в него, тем сильнее было желание притянуть к себе.

Но нельзя: тот слишком легко пугался.

Фэн Юаньси оставалось лишь крепче сжать поводья.

Однако садмящее, щемящее чувство в груди никуда не делось – напротив, его резко кольнуло что-то в собственной ладони.

Фэн Юаньси опустил взгляд: в руке оказалась нефритовая подвеска Сяо Чжоцина.

Прозрачный белый нефрит в виде бамбукового побега пестрел пышной листвой, а в уголке было вырезано крошечное слово «Чэ». Буквы отличались изяществом и строгостью, и Фэн Юаньси уже доводилось видеть их на страницах книг Сяо Чжоцина.

Это был собственный почерк Сяо Чжоцина.

– Что такое? – обернувшись, спросил Сяо Чжоцин.

– ...Ничего.

Хладнокровно бросил Фэн Юаньси, однако зажал зажатый в ладони нефрит еще крепче.

– Ты свою подвеску потерял, я компенсирую тебе другую.

В пруду Линьхуа действительно оказался Ши Сюцзе.

Он был мертв; прибывшие императорские лекари осмотрели тело и заключили, что тот утонул, причем скончался уже несколько дней назад. Вскоре примчался и князь Лянь, с брезгливостью глянув на тело сквозь белое полотно, он махнул рукой, велев его унести.

Никто не мог объяснить, почему Ши Сюцзе, которого несколько дней безуспешно разыскивали повсюду во дворце и за его пределами, вдруг объявился в пруду Линьхуа.

Но раз улики исчезли вместе с мертвецом, громкое дело о покушении на особу государя наконец было закрыто.

Преступником оказался один лишь Ши Сюцзе, а поскольку он тихо скончался, не затронув никого постороннего, для чиновников при дворе это стало поистине радостной вестью.

Выходя из дворца, Сяо Чжочин столкнулся с Син Яо.

Тот сидел в чайной у дворцовых ворот и издали замахал ему рукой, стоило ему заметить Сяо Чжоцина.

– Мой брат только что вышел из дворца и сказал, что там стряслось великое ЧП – нашли утопленника? – с беспокойством спросил Син Яо. – Ты в порядке?

Увидев перед собой живого и невредимого друга, Сяо Чжочин тяжело выдохнул и покачал головой:

– Все хорошо.

Син Яо тоже с облегчением вздохнул:

– Вот и славно! А я уж испугался, не довелось ли тебе увидеть тело! Цзинцзэ даже говорил, что если ты наткнешься на такое, то наверняка смертельно перепугаешься.

Сяо Чжочин глядел на него и какое-то время молчал.

Син Яо издал звук недоверия:

– Неужто и вправду испугался? Ничего страшного, пугаться не стыдно! А ты знаешь? Когда мой брат много лет назад служил в провинции, однажды столкнулся с... Да чего ты так на меня смотришь?!

Во взгляде Сяо Чжоцина читалось столь глубокое умиление, что у того по спине побежали мурашки.

...Мертвецом ведь был не он сам, верно?

Сяо Чжочин улыбнулся и покачал головой:

– Ничего.

Просто видя, что Син Яо по-прежнему жив, он испытывал радость.

Син Яо поджал губы.

Ладно, главное – не на его могилу пришли глазеть.

- Теперь-то вспомнил обо мне? Толку-то думать, нынче лето началось, мы люди вольные, без должностей – самое время кататься на лодках по озерам, слагать песни и сочинять стихи, такая благодать и безмятежность!

С этими словами он хлопнул Сяо Чжочина по плечу:

- Послезавтра в беседке Шести Видов будет поэтический вечер, пойдешь?

Сяо Чжочин призадумался:

- В последнее время в храме Дали дел по горло, вырваться не смогу.

Син Яо слегка погрустнел, но всё же кивнул:

- Ну ладно-ладно, служба прежде всего. Появится что-нибудь интересное – я тебе еще пришлю приглашение.

- Хорошо.

Син Яо покачал головой и поправил на нем чиновничий халат:

- Эх, а ты все больше и больше становишься похож на моего брата – такой же напыщенный и серьезный, будто тебя ждет сотня нерешенных дел... Э?

Поправив одеяние Сяо Чжочина и уже собираясь отнять руку, он вдруг замер, привлеченный нефритовым украшением у того на поясе.

- Что за чудный нефрит! – поразился Син Яо.

Сяо Чжочин опустил взгляд и только теперь заметил сбоку от себя висящую незнакомую подвеску.

Круглая кроваво-красная нефритовая пластина была вырезана в виде извивающегося дракона-чи, густой багровый цвет охватывал большую часть камня, а затем тонкими и густыми нитями уходил в самую глубь нефрита, где искусная рука мастера превратила их в ошетилившуюся гриву и чешую зверя, казавшуюся столь живой, словно это был пляшущий огонь.

Эта подвеска болталась на поясе Сяо Чжоцина, как раз прикрытая складками халата, и если бы не зоркий глаз Син Яо, он бы ее и вовсе не заметил.

Откуда... она вообще взялась?

В памяти смутно всплыли слова Фэн Юаньси о том, что он компенсирует ему потерю нефрита.

Но нефрит-то уронил вовсе не Фэн Юаньси, и возмещать убыток он был не должен. Сяо Чжоцин тогда принялся настойчиво отказываться, и император умолк.

И все же...

Откуда на нем самом вдруг взялась эта лишняя нефритовая вещица?

Отказываться от посещения литературных собраний Сяо Чжоцин вовсе не пытался лишь для вида.

После того как Лян Куо лишился власти, он превратился в самую влиятельную фигуру в храме Дали. Все судебные дела в ведомстве, как старые, так и новые, включая те, что были связаны с кликой Цзяна, теперь требовали его личного одобрения.

Впрочем, Сяо Чжоцин прекрасно понимал, что князь Лянь пока лишь испытывает его на прочность. Положение его оставалось шатким, а затаивший обиду Лян Куо грозил новыми неприятностями, так что действовать приходилось с предельнейшей осторожностью.

По этой причине очередность расследований имела первостепенное значение.

Сяо Чжоцин не спешил добиваться реабилитации соратников Цзян Лу. Он начал с пересмотра старых дел, нарочно выбрав по воле князя Ляня несколько подходящих и проведя их безупречно.

Все эти дела так или иначе были связаны с Лян Куо.

Сяо Чжоцин отлично знал этого человека: помимо умения идти по головам, тот отличался поистине заурядными способностями и был абсолютной бездарностью.

Способы обогащения у него были простыми и грубыми.

Стоило чиновникам из его фракции обратиться к нему за помощью, как при достаточном количестве серебра он неизменно отвечал согласием. Будь то крупные дела об убийствах и растрате казны, или мелкие земельные споры и личные счета – подход он использовал всегда один и тот же.

Найти бесправного козла отпущения, зацепиться за компромат и принудить несчастного к подчинению. А методы не отличались разнообразием: залить вином и заставить подписать признание, сфабриковать улики, пригрозить расправой над семьей или попросту в наглую подбросить улики в дом неугодного человека. Короче говоря, действовал он ничуть не лучше какого-нибудь разбойника – просто и бесцеремонно.

Сяо Чжоцин, опираясь на известные ему факты, шел по следам и успешно пересмотрел несколько архивных дел, вскрывая массу улик против приспешников князя Ляня, промышлявших тайными взятками и торговлей должностями.

В результате Лян Куо угодил в полосу серьезных неприятностей.

В домах нескольких чиновников провели обыски; мало того что в партийных рядах навели порядок, так еще и князю Ляню перепала немалая доля нечестно нажитого богатства.

Видя, как горы серебра отправляются наполовину в императорскую казну, а наполовину – в особняк князя Ляня, тот пришел в полный восторг и не скупился на похвалы в адрес Сяо Чжочина.

Вскоре при дворе поползли слухи о невероятном таланте Сяо Чжочина в расследовании дел, причем молва эта становилась все более диковинной.

Шептались, будто благородный господин Чжоцин раскрывает преступления без единого свидетеля и вещдока – стоит ему бросить свой пронизывающий взгляд, как сразу становится ясно, кто убийца.

Даже если дело уже было закрыто вынесенным приговором, достаточно было взглянуть на него

очам господина Чжочина. Если он хранил бесстрастное выражение лица и равнодушно перелистывал страницы, значит, в деле не было несправедливости; стоило же ему хоть чуть-чуть улыбнуться, глядя на свиток, как в течение трех дней истинный злодей неизменно оказывался в лапах правосудия.

Син Яо тайком нашептывал ему:

– А знаешь? «Записи об удивительных делах Великой Шан» собираются издавать во второй части, и главного героя там назвали господин Чэ!

Сяо Чжочин: «...Остановись, ради всего святого».

Те дела были донельзя примитивными, и принять на свой счет незаслуженную славу второго Ди Жэньцзе он решительно не смел.

Однако, независимо от того, хотел он этого или нет, громкая слава уже гремела повсюду.

Должность главы храма Дали при Лян Куо превратилась в пустой звук, и теперь все без исключения дела стекались на окончательное утверждение к младшему министру Сяо.

От важнейших дел клики Цзяна, по которым даже Ли Хэюн теперь отправлял людей выразить почтение и согласовать шаги, до мелких уличных слухов – когда подчиненные приходили за указаниями, они неизменно докладывали обо всем лично ему.

В этот день один из секретарей принес судебные дела и, пока Сяо Чжочин ставил резолюции, таинственно придвинулся к его столу.

– Ваша светлость, до вас дошли слухи о том, что творится во дворце?

Сяо Чжочин замер:

– Что за слухи?

Чиновник понизил голос:

- Там завелись призраки.

Таинственным тоном сообщил он:

- Во дворце бушуют призраки, погибло уже немало людей!

<http://bllate.org/book/18810/1865697>